

„Существо, открываемое человѣку его разумнымъ сознаниемъ, читаемъ мы въ трактатѣ „Христіанское ученіе“, есть *желаніе* (!) блага, *относимое не къ чему-либо отдѣльному, а ко всему существующему*“. Сначала человѣкъ относитъ это желаніе блага къ самому себѣ, къ своему тѣлу, но съ ростомъ разумнаго сознанія онъ понимаетъ, что „истинное „я“ человѣка есть не его тѣло, а желаніе блага въ самомъ себѣ, желаніе блага всему существующему“. Хотя этому признаку истинной жизни съ одной стороны и присущъ характеръ индивидуальности („своеобразія“), такъ какъ это желаніе блага желается не само собой, а „разумнымъ я“, но въ то же время это разумное „я“ не можетъ быть, по Толстому, охарактеризовано какъ личность, какъ отдѣльная, несравнимая и своеобразная индивидуальность. Толстой всюду рѣзко противопоставляетъ понятіе личности понятію разумнаго „я“ (это одна изъ коренныхъ, до утомленія повторяемыхъ имъ мыслей) и даже предостерегаетъ отъ рокового заблужденія, возникающаго при смѣшеніи ихъ („О жизни“, стр. 74). Личность, по его мнѣнію, есть ограниченіе, — а та безграничная, не знающая конца и предѣла жизнь, которую мы находимъ въ разумномъ „я“, не можетъ поэтому быть охарактеризованной, какъ жизнь личная.—Здѣсь несомнѣнно сказывается философская близорукость Толстого. Способность выходить за предѣлы себя и усваивать универсальное содержаніе отличаетъ не одну лишь этическую, но и теоретическую и эстетическую сферу души,—*но это не устраняетъ понятія личности изъ психологій*. Въ предѣлахъ „низшей“ душевной жизни, въ предѣлахъ личной, индивидуальной души есть много моментовъ выхода за предѣлы личности, но это содержаніе переживаній не отрываетъ ихъ отъ личности, какъ субъекта и основы ихъ, не даетъ права выдѣлять ихъ *въ особую*, а тѣмъ болѣе производную жизнь. Разумъ съ его общеобязательными сужденіями и цѣнностями, съ присущей ему безусловностью продолжаетъ все-таки принадлежать той же психической системѣ, которую зовемъ мы личностью. Въ томъ и состоитъ метафизическая и психологическая тайна личности, что, осуществляя въ потокѣ своего личнаго бытія универсальныя цѣнности, она не перестаетъ отъ этого быть личностью, индивидуальностью. Для Толстого же вопросъ стоялъ упрощеннѣе: усмотрѣвъ универсальное, общечеловѣческое содержаніе разумнаго сознанія, онъ выдѣлилъ его изъ состава лично-